

И. ГРОССМАН-РОЩИН

О «вещном» и «духовном» в творчестве В. Маяковского

I

В. Маяковский не жалуется критиков. Смердяков, как известно, происхождения не особенного знатного: отец его «римлянин времен упадка», Федор Карамазов, мать — Елизавета Смердящая. Ждать хорошего от такого союза не приходится. Генеральная критика, по Маяковскому, тоже не очень-то «благородная».

От страсти извозчика и разговорчивой прачки
Невзрачный детеныш в результате вытек.
Мальчик не мусор, не вывезешь на тачке,
Мать поплакала и назвала его: критик.

— Как роется дворником к кухарке сапа (?),
Щебетала мамаша и кальсоны мыла,
От мамыши мальчик унаследовал запах
И способность вникать легко и без мыла...

Зло, метко, но несправедливо.

Если уж на то пошло, то все мы «братья писатели» и теоретики прополаскиваем «белье» жизни и истории; критик — не подкидыш, а равноправный, «законнорожденный» в писательской семье.

Разве поэт Маяковский не тот же критик? Он чем занимается?..

Огромный труд — гореть над горном,
Железо шипяще класть в закал,
Но кто же
В безделье бросит укор нам?
Мозги шлифуем рашпилем языка...

А все же правду надо сказать: донельзя обеднела русская критика. Да, критика не на высоте, и это применимо даже к наиболее талантливым из них.

Не на высоте, пожалуй, оказался и Иванов-Разумник, я разумею его этюд «Маяковский» («Скифы», Берлин). Критик пытается дать углубленный и беспристрастный анализ творчества Маяковского. В добрых намерениях автора мы не сомневаемся нисколько, но результаты получились крайне скудные. Посудите сами: беда Маяковского, видите ли, в том, что ему оказалась не по силам борьба с «вещью», с косным, материальным миром. Из поединка Маяковского с вещами вещи вышли победителями. Этим-то и объясняется, почему Маяковский, предвидевший, предсказавший, воспевающий и воспевающий социальную революцию, видит только формы революции, но нету не только «духа живого», но и души. (Заметьте: язык-то какой у Иванова-Разумника! — прямо-таки терминология апостола Павла!) Скорбит наш критик и тревожно вопрошает: ну, хорошо, революция, а что же Маяковский видит «за ней»? Маяковский воспекает человека, но кто этот человек? «Ангел Гердера? Сверхчеловек Ницше? Или просто “blonda bestia” опошленного ницшеанства?» Оказывается, *blonda bestia*, — телесный человек, который мечтает о борще из незабудок, о сладких чаях, вообще человек, который «ерзает мясами». Иванов-Разумник хочет быть беспристрастным, а потому-то он устанавливает, что в футуризме, видите ли, есть правда и даже двойная — величайшее развитие машины в XX веке требует новых форм искусства.

Но не будем полемизировать с Ивановым-Разумником. Полемика не наша цель. Не хочу я также заниматься анализом формально эстетической стороны творчества Маяковского. Иванов-Разумник дает только материал для социологической оценки некоторых моментов творчества Маяковского; критик только показал, как не следует подходить к анализу футуризма...

II

Верно: у многих новаторов, которых, впрочем, трудно приписать к футуристам, вопрос о взаимоотношении «души и вещи» вырешен в корне неправильно. Говорю не об абстрактно-логическом разрешении проблемы, а художественно-действенном. Разнойой между вещью и духом свинцовой тяжестью давит и деформирует великолепное театральное творчество В. Мейерхольда. (Об этом надеюсь побеседовать особо.) Но уже к Маяковскому

эта антитеза не применима никак. Стихия творчества Маяковского — это борьба с субстанционализмом, с «вещью в себе», с потрошением живой жизни на «дух и материю», причем дух — потомственный, почетный гражданин вселенной, а вещь — Богом проклятый Каин, которого может освободить только амнистия свободолюбивого духа. Отсюда ясно, как неправилен подход к Маяковскому с витиевато-назойливым вопросом: а что поэт увидел «за ней», за революцией? — «За ней»? — это вздор. «За ней» Маяковский ничего не видит, ибо в корне отрицает это деление на духовную сущность и видимую «скорлупу». Она, революция, вся здесь — в ее замыслах, в ее бурях, муках и радостях. За ней «в белом венчике из роз» не следует «Иисус Христос», об этом пусть поют гамлетизированные «платоники» времен упадка... Значит ли, что Маяковский — эмпирик, что он оседлан «вещью», побежден плотью? Но чем же объяснить, что нигде, как у Маяковского, вы не найдете такой бурной борьбы — беспощадной и жестокой с гегемонией вещей?.. Где вы найдете такое воспевание человека-чуда?

Тут мы подошли вплотную к проблеме об отношении Маяковского к вещам.

Эта проблема никак не может быть вырешена в тесных пределах эстетизма индивидуалистических исканий; осветить вопрос может только хотя бы беглый анализ *характера Октябрьской революции*.

Октябрьская революция, невзирая на отступление «всерьез и надолго» на нэповские позиции, есть революция социальная и интернациональная в самом глубоком, реальном и точном смысле. Ее пафос — коммунизм и интернационализм. Значит ли, что эта революция игнорирует, проходит *мимо* более узких национальных задач?.. Значит ли, что ликвидация феодализма, *средневековой* психологии игнорируется Октябрьской революцией? Нет. Октябрьская революция решает и эти задачи. «Приемлющие» Октябрьскую революцию торгаши, духовные спекулянты ехидненько торжествуют, говоря, что *весь смысл* Октября в том, что Октябрь *много запросил* по-большевистски, чтобы *получить* по-меньшевистски — ликвидацию феодализма. Куцый мечанин, в сущности, не понимает внутреннего, т. е. социального смысла правильно указанного факта: дело вовсе не в том, чтобы дипломатически *много запрашивать*, а в том, что Октябрь *творил на деле* и творит *сейчас ежеминутно, ежесекундно*, при неслыханно-мучительных условиях, *социальную революцию*; потому-то сделалось возможным такое решение национальных задач, которое питается и в свою очередь питает социальную ре-

волюцию. Внешне противоречивая, а внутренне, т. е. социально, закономерная единая задача — использовать социальную революцию для национальных задач и решение национальных задач реальным деланием социальной революции — отразилась и на певце Октября — Маяковском и определила его отношение к вещам.

И в области культуры мы разрешаем двойную задачу: ликвидацию духовного феодализма, средневековья с его отвращением к плоти, к вещи, но эта борьба одновременно ведется на плоскости беспощадной борьбы с диктатурой буржуазного жира и обстановки — вещей во имя нового взаимоотношения человека и вещи. Отсюда и кажущаяся двойственность в отношении Маяковского к вещам и плоти. Восхваляет ли Маяковский плоть, вещь?.. Да. Постольку, поскольку его врагами являются рыцари, мифология, Прекрасная Дама, тоска по небесной родине, противопоставляемая вульгарной, косной, грешной земле... Здесь Маяковский, одновременно и наш Рубенс и советский Молешотт... Но если бы Маяковский ограничился *только* воспеванием вещей, он был бы сыном запоздалой буржуазной революции, а не трубачом пролетарской. Сила его борьбы за вещи питается именно ненавистью к буржуазной диктатуре вещи, и поэтому он глубоко правильно *одновременно* поднимает неслыханно бурный поход против *вещественного начала*.

Но этого мало. Разве Бергсон не поднял знамя восстания против проклятой, дух унижающей «логики твердых тел»? Разве Бергсон не забил гулко и тревожно в набат по поводу механизации душ и волю?

Верно. Но Бергсон призывает к *отрыву* души от вещи. Он идет формально в царство интуиции, а социально — куда?.. Бергсон улегся на разрезе двух эпох и зовет скорее всего назад, к чистой духовности Плотина, а оттуда, может, и к неокатолицизму.

У Маяковского нет ни абстрактного вещефильства, ни вещефобства: *все зависит от того, какой общественный класс явится организатором вещного мира...*

Отсюда якобы «поверхностный» характер «богоборчества» Маяковского, о котором так скорбит Иванов-Разумник: «Богоборчество футуризма — наивнейшее, мелкое, детское, плоское: после глубин Кириллова и Ивана Карамазова — бледно и бедно звучат все эти вопли и проклятия криком кричащего футуриста» (с. 30).

Трудно ярче иллюстрировать беспомощность критика, безнадежное непонимание сути дела, полную непригодность индивидуализма, даже этического, в применении к Маяковскому...

В самом деле: у Достоевского герой признается — «меня всю жизнь Бог мучил». Богоборчество мыслилось, как высшая стадия дерзновения, как максимум напряжения бунтарской воли. Нужна была высочайшая дерзость Прометея или глубочайшая скорбь Великого Инквизитора, чтобы вступить в борьбу с тем, кто абсолютно прекрасен, всемогущ и вездесущ...

Но уже Ницше иначе подошел к борьбе с Богом, — подошел чисто-прагматически: «Бога нет, ибо как бы я мог вынести мысль, что я сам не Бог». Для Ницше Бог — помеха творчеству, конкурент сверхчеловеку. Если Бог есть, то он совершенен, гениален, он — прообраз, и тогда человек может только приблизительно *приблизиться к Его величию*. Человек тогда не гениален, а в лучшем случае только *конгениален*, не творец, а *сотворец*, не оригинал, а более или менее *совершенная копия*. И Ницше отвергает Бога во имя цели к творчеству.

А вот Маяковский без трепета, без боязни. Просто «дико» подошел, посмотрел и презрительно улыбнулся. Его «Бог не мучил» хотя бы потому, что он художественно видел Бога не все-сильным, все-творящим, нет. Это какой-то духовный меньшевик, открывший вегетарьянскую столовку. Одного окрика достаточно для «кудластых прохвостов»... Вот *глубины этого бунта не понял* не освободившийся от христианских, полуэстетических эмоций Иванов-Разумник. Помилуйте, ведь о Боге надо говорить «богоподобно» — в трепете, в грозе, в сверканье молнии, нужны грозные апарансы, которые явил Бог на Синае. И вдруг является парень «с шагом саженым» и просто отвернулся, чуточку рассердившись на мистификацию.

Глубоко это или поверхностно? Это зависит от подхода. Если критерием глубины служат кошмарно-тяжкие, мучительные переживания индивидуума; если показателем глубины является скрежет зубовой, надрыв и вопли человека «из подполья», то, конечно, бунт Маяковского «поверхностен»; но есть иной критерий оценки: *класс, полный творческих сил, во имя своей воли, во имя своих достижений, легко и безболезненно проходит мимо мнимой трагедии индивидуалистов-богоборцев и просто свергает богов, как ненужную гипотезу для его классового миростроительства*. Если взять этот критерий, то уверяю вас, уважаемый критик, «поверхностное» богоборчество Маяковского таит в себе неслыханные *глубины*...

И чем же восхищаться Маяковскому и зачем ему падать ниц перед богом сим, перед чудом творения? Маяковский знает об ином чуде, о *чуде-человеке*, и в изумительном «Рожденье Ма-

яковского» нам поведал об этом чуде. Уважаемые историки литературы, назовите мне нечто подобное по силе, свежести и яркости этому бурному и радостному гимну человека! Маяковскому не нужно отказаться от чуда *во имя логической необходимости*. Не нужно потому, что его чудо — не чудо христианское, *его* необходимость не метафизико-логическая... Он знает иную необходимость — *социальную*, он знает и живую силу ее — победоносный класс, который на деле раскует личность и сделает скачок «из царства необходимости в царство свободы»...

Отсюда совершенно иной характер *идеализма* Маяковского. Но об этом как-нибудь в другой раз.

